

Кимитака МАЦУЗАТО

**ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР
В ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ
С XIX ПО НАЧАЛО XX ВЕКА**

Революция 1917 г. полностью изменила этнический состав Правобережной Украины.¹ Во-первых, были ликвидированы дворяне-землевладельцы “польского происхождения”, преобладавшие в этом крае даже после расчленения Речи Посполитой в конце XVIII века.² Остальное польское население региона, потеряв свою лучшую, элитную часть, было неизбежно украинизировано в течение XX века. Во-вторых, “черта еврейской оседлости” была отменена, и значительное число

---

¹ В настоящей работе термином “Правобережная Украина” означены Киевская, Подольская и Волынская губернии, входившие в юрисдикцию Юго-западного генерал-губернаторства Российской империи. Это генерал-губернаторство было введено в 1832 г., т.е. непосредственно после первого польского восстания, и продолжало существовать до октября 1914 г.

² Генеалогические исследования последнего времени доказывают, что шляхетство на периферии Речи Посполитой (Правобережная Украина, Беларусь, Литва и Галиция) было сформировано не колонизацией этих земель переселившимися из центра государства (т.е. экспансией этнических поляков), а полонизацией коренной местной элиты. С учетом этого в настоящей работе слова “польские” и “поляки” употребляются в смысле “полонизированные”. См.: Н. М. Яковенко. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і центральна Україна) / Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Київ: Інститут історії України, 1994.

евреев, составляющих другую преобладающую этническую группу на дореволюционной Правобережной Украине,³ переселилось в центральную часть СССР. В-третьих, в соответствии с ленинским принципом самоопределения была создана Украинская Советская Социалистическая Республика, и украинцы де-юре были признаны “титульной нацией” региона. Таким образом, впервые после Люблинской Унии (1569 г.) восточные славяне с политической и социальной точек зрения стали доминировать на Правобережной Украине. Как ни парадоксально, освобождение от польского и еврейского засилья выдвинуло на передний план противостояние внутри восточных славян, т.е. между украинцами и русскими. Аннексия Галиции Советским Союзом в разгар сталинизма и “обмен народов” (депортация польского населения из Галиции в Республику Польша) в 1947 г. завершили исторический цикл, который начался с Переяславского Соглашения (1654 г.), и первоначальный *raison d'être* для “союза” между русскими и украинцами перестал существовать.

Данная работа мотивирована соображением автора о том, что картина этнических отношений на Правобережной Украине в XIX веке была и продолжает быть искаженной благодаря тому, что парадигма противопоставления украинцев русским (или наоборот) – парадигма, созданная историей этнических отношений региона после 1917 года и, соответственно, способная объяснить только этнополитику региона этого периода, – применяется и для анализа этнических отношений до 1917 года. Однако на Правобережной Украине XIX века и русские, и украинцы являлись весьма незначительными этническими группами. Правда, русским принадлежала политическая власть, но больше ничего другого. У них не было даже значимого демографического веса. Согласно переписи 1897 г., русскоговорящие составляли только 3.5% населения Волынской губернии, 3.3% – Подольской и 5.9% – Киевской.⁴ Ясно, что только незначительное количество русских жило на западной стороне Днепра даже более чем через столетие после распада Речи Посполитой. Сегодня уже трудно представить себе, что Правобережная Украина была одним из центров польской литературы первой половины XIX века и мощным восточным фронтом экспансии ка-

---

³ Евреи занимали 13.2%, 12.2% и 12.1% всего и 50.8%, 46.1% и 31.0% городского населения в Волынской, Подольской и Киевской губерниях соответственно. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XVI. СПб., 1904. С. 90-91; Т. XXXII. СПб., 1904. С. 98-99; Т. VIII. СПб., 1904. С. 86-87.

⁴ См.: Там же.

толицизма на всем протяжении столетия. Трудно понять, почему и великорусские правые партии на Правобережной Украине в предоктябрьский период, и офицерские корпуса денкинской армии, никто из которых не признавал само существование “украинской проблемы”, состояли в большинстве из этнических украинцев,⁵ если мы проигнорируем факт преобладания поляков и евреев в крае перед революцией 1917 г.

Украиноведение на Западе было долго монополизировано украинской диаспорой, которая, по понятной причине, не обращала должного внимания на польский фактор в истории Украины. Советские историографы также (вероятно потому, что СССР и Польша были союзниками при социализме) воздерживались от анализа этнических истоков конфликтов между польскими землевладельцами и украинскими крепостными (равно как и крестьянами впоследствии), рассматривая проблему только в рамках классовой борьбы.⁶ Как результат, судьба поляков в Правобережной Украине была более или менее изучена только в Республике Польша.⁷ К несчастью, националистическая пропаганда в независимой Украине только усугубила ситуацию. В посткоммунистической украинской историографии украинская история полностью тождественна истории украинцев, и последняя же – истории украинских националистических движений.⁸ Вот недавние важные исследо-

---

⁵ См.: В. Б. Любченко. Теоретична та практична діяльність російських націоналістичних організацій в Україні (1908-1914) // Український історичний журнал (УІЖ). 1996. № 2. С. 55-65; Leonid Heretz. Ukraine and the Origins of Russian Nationalism, 1900-1921 / Paper presented at the First Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities held at Columbia University (New York), April 26-28, 1996.

⁶ См., например: Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-е годы XIX ст.). Киев, 1959.

⁷ Не зная польского языка, автор рассмотрел польскую историографию проблемы в украинской литературе: Н. М. Яковенко. Українська шляхта з кінця XIV до XVII ст. (Вольнь і центральна Україна). Київ, 1993. С. 5-24; Ярослав Дашкевич. Даніель Бовуа та вивчення історії польсько-українських відносин / Перемога до книжки: Даніель Бовуа. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831-1863). Київ, 1996. С. 7-48.

⁸ Например, история земельных отношений на Украине была слабо исследована и в советское время, и ныне. Лишь немногие труды появились в 1920-е и в 1960-1970-е гг. (Н.[М.] Н. Лещенко, Д. П. Пойда и т.д.). Ситуация не изменилась даже после распада СССР. Оставив в стороне то, что такая ситуация исключительна для стран, имевших ранее “сильную” марксистско-ленинскую школу, нужно только отметить, что для тех, кто интересуется историей украинской нации, история земельных отношений очень важна, ведь до революции 1917 г. подавляющее большинство

вания роли поляков в Правобережной Украине Нового времени: “Шляхтич, крепостной и ревизор: польская шляхта между царизмом и украинскими массами (1831-1863)” Даниэля Бовуа (Лилль, 1985),⁹ докторская диссертация Витольда Родкевича “Русская национальная политика в западных губерниях империи в период царствования Николая II, 1894-1905 гг.” (Гарвардский университет, 1996)¹⁰ и кандидатская диссертация Н. А.[О.] Щербак “Национальная политика царизма в Правобережной Украине в конце XIX – начале XX века: на основе отчетов местных государственных учреждений” (Киевский университет, 1995).¹¹ Под влиянием известной парадигмы “Россия – тюрьма народов” последняя анализирует царскую политику по отношению к украинцам, полякам и евреям изолированно, не рассматривая взаимосвязи между ними. Однако вообще невозможно проанализировать национальную политику, пренебрегая состоянием национальных отношений данного региона.¹²

украинцев было крестьянами. В конечном счете, в независимой Украине внимание историков привлекают только те фрагменты, что кажутся связанными с украинским национальным движением. Этот подход, однако, обречен на крах. Разве можно проанализировать крестьянское движение, не зная сельского хозяйства, быта крестьян? То же самое можно сказать об исследованиях национальных движений.

⁹ Daniel Beauvois. Le Noble, le Serf et le Réviseur. La noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes (1831-1863). Lille, 1985. Автор ознакомился с украинским вариантом книги: Даниэль Бовуа. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831-1863). Київ, 1996.

¹⁰ Witold Rodkiewicz. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire During the Reign of Nicholas II, 1894-1905 / Ph.D. dissertation; Harvard University, 1996.

¹¹ Н. О. Щербак. Національна політика царизму у Правобережній Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (За матеріалами звітів місцевих державних установ) / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: Київський університет, 1995.

¹² Тем не менее, диссертацию Н. О. Щербак нужно считать относительно добросовестной среди трудов, написанных в современной Украине по истории национальных вопросов. Например, один молодой историк утверждает на страницах самого авторитетного украинского исторического журнала, что “между украинцами и евреями открытой конфронтации не существовало”, и погромы 1905 г. были “спровоцированы царским правительством с помощью ‘черной сотни’” (А. Ю. Подольський. Антисемітська політика російського царизму в Україні на початку XX ст. // УІЖ. 1995. № 6. С. 61, 63). Этот взгляд, несомненно, нов, но слишком нов для того, чтобы иметь право на существование без указания источников. В противоположность этому, Н. О. Щербак, признавая существование определенной массовой базы антисемитизма в Правобережной Украине, отмечает,

В последние годы парадигма “тюрьма народов” в исследованиях империй Нового времени подвергнута серьезному сомнению. Что касается Российской империи, то Джон П. Ледон отметил, что, во-первых, экспансия империи осуществлялась путем инкорпорации правящей элиты окружающих народов в имперское господствующее сословие.¹³ Во-вторых, в то время как парадигма “тюрьмы народов” воспринимается Российской империей как некий конус с великороссами в вершине и управляемыми (подчиненными) нациями в основании, Андреас Каппелер доказывает, что иерархия империи была более сложной, с многими измерениями. Он выделяет три измерения: политическая лояльность, сословный принцип и социокультурная удаленность от великороссов, которые определяли место каждой этнической группы в этой иерархии.¹⁴ Упрощая схему Каппелера, мы можем сделать модель “дерева”, противопоставленную традиционной модели “конуса” (Схема 1).

Третья позиция, критикуя вышеозначенную концепцию “тюрьмы народов”, наиболее точно представленная Раймондом Пирсоном, доказывает, что “русификация” в смысле этнической ассимиляции не-“русских” была неосуществима, так как царизм “не обладал ни тоталитарными амбициями, ни ресурсами, свойственными современным государствам”. “Русификация” означала не более чем усиление “гегемонии русского языка, культуры и госучреждений”.¹⁵ Если Пирсон

что ненаказуемость погромщиков обострила погромы (Н. О. Щербак. Назв. твір. С.128). Трудно не согласиться с этим сбалансированным взглядом. В Японии недавно вышло в свет исследование Масахиро Накатани, изучившего, до какой степени погромы 1881 г. были организованными или, наоборот, стихийными. В Канаде Генри Абрамсон, анализируя антисемитские карикатуры Европы и России со времен средневековья, пришел к выводу, что в западной и центральной Европе антисемитизм исходил, в основном, из религиозного предубеждения населения, в то время как в Правобережной Украине антисемитизм был часто вызван обидой населения на экономическую роль местных евреев. См.: Henry Abramson. Ukrainians, Jews and the Problem of Anti-Semitism / Paper presented at the First Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities held at Columbia University, NY, April 26-28, 1996.

¹³ John P. LeDonne. *The Geopolitical Context of Russian Foreign Policy: 1700-1917* // *Acta Slavica Iaponica*. 1994. Vol. 12. Pp. 1-23.

¹⁴ Андреас Каппелер. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской Империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений* / Под ред. А. И. Миллера, В. Ф. Репринцева, Б. Н. Флори. Москва, 1997. С. 125-144.

¹⁵ R. Pearson. *Privileges, Rights, Russification* // O. Crisp and L. Edmonton (Eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford, 1988. Pp. 86-87, 89-90.

прав, то как могла Российская империя руководить своими западными губерниями, несмотря на низкие технологии управления и социополитическую слабость восточных славян в регионе? На наш взгляд, только использование принципа “разделяй и властвуй” (или “этнического бонапартизма”) было единственно возможным. Царское правительство провоцировало украинских крестьян на борьбу против “польских латифундий” и “еврейского паразитизма”, в то же время успокаивая поляков и евреев, что правительство защитит их от возможных нападений украинских народных масс. Уловки такого рода заставляют усомниться в наличии последовательной глобальной тенденции в царской национальной политике (например, переход от административной ассимиляции, относительно толерантной, к культурной ассимиляции, более жесткой; или от либерализма Александра II к реакции Александра III). Ведь подавление одной этнической группы

Схема 1. Две модели объяснения этнической структуры Российской империи.

часто сочеталось с терпимостью по отношению к другой. Например, в Правобережной Украине система сервитута поддерживалась искусственно для того, чтобы ущемить польских землевладельцев. Объективно это означало, что традиционные формы землепользования украинских крестьян были защищены правительством. Мероприятия по ограничению польских землевладений, введенные после восстания 1863-1864 гг., несмотря на отдельные попытки, не могли быть распростра-

нены на балтийских немцев, потому что это могло нанести вред этим потенциальным покупателям земли, продаваемой поляками, а потому затормозить курс деполонизации в западных губерниях.¹⁶ Аналогичные отношения наблюдались и между польскими и непольскими католиками.

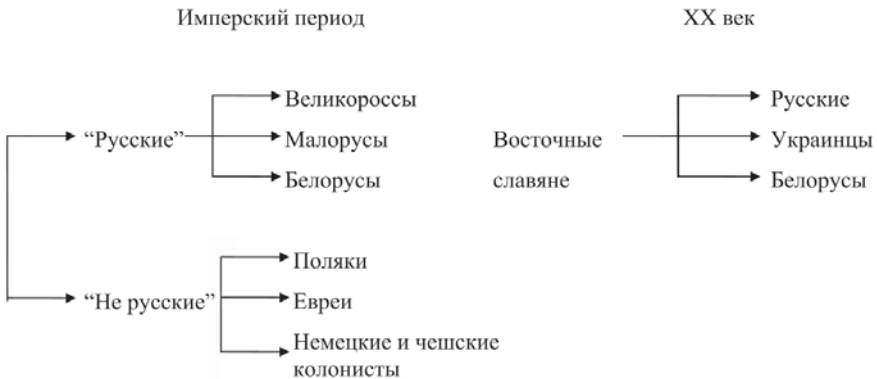
Три отмеченные выше характерные черты царской национальной политики (инкорпорация местной элиты, модель “дерева” имперской космологии и “этнический бонапартизм”) не могли не видоизмениться в Правобережной Украине, т.к. преобладающей этнической группой в этом регионе были поляки, в то время как под их доминированием находились “русские” (украинцы). (Согласно официальной терминологии того времени, слово “русские” означало восточные славяне, но не великороссы).

Следовательно, “обрусение” в XIX веке означало “восточную славянизацию”, но не русификацию в современном смысле. Ее целями были, во-первых, деполонизация, во-вторых, десемитизация, в-третьих, ассимиляция немецких и чешских колонистов. Украинцы не могли быть объектом “обрусения”, так как они, согласно этой терминологии, были “русскими” с самого начала. Если они и могли быть русифицированы, то только в смысле их “освобождения от векового польского влияния”. В настоящей статье русские в сегодняшнем смысле названы великороссами. Слово же “русские” употребляется в соответствии с царской терминологией, но с кавычками. Нужно добавить, что само слово “обрусение” не часто использовалось в тогдашних официальных документах. Правительство предпочитало иной речевой оборот: “усиление русских элементов в крае”. И действительно, это было наиболее подходящее выражение, ведь вся система царской национальной политики в Правобережной Украине была построена на основе комплекса правительства, т.е. мучительного сознания слабости “русских элементов” в крае, в то время как “обрусение” передает обратный нюанс: “сильный, подавляющий слабого”. Комплекс своей слабости у великороссов был вызван не только социально-экономическим превосходством украинских поляков и евреев над “русскими” в виду демографического веса, имущественного положения, владения землей и капиталами, грамотности и т.д. Скорее, великороссы были убеждены, что “русские” в юго-западном крае не равня полякам и евреям с точки зрения политических ресурсов, таких как национальное

---

¹⁶ V. Rodkiewicz. Op. cit. Pp. 93-94.

самосознание, внутренняя сплоченность этнической группы, и политический такт. Да и ограничение, введенное после второго польского восстания на право земельной собственности поляков в западных губерниях, было нацелено на принижение не столько их экономической мощи, сколько их этнополитических ресурсов в виде земель.¹⁷

Схема 2. Изменения в терминологии, характеризующие этнические взаимоотношения в Правобережной Украине с имперского периода до XX в.

Одна из причин, по которой поляки могли сопротивляться ассимиляции более столетия после распада Речи Посполитой, заключается в том, что они были нацией скорее даже не в этническом, а в политическом смысле. До начала XX века термин “поляки” не означал “этнические поляки”, а распространялся на тех, кто принял католицизм, польский язык и образ жизни, имперскую идею Речи Посполитой. Странно, что и украинская, и российская историография отнесли политическую активность украинских поляков в XIX веке к категории

¹⁷ Документ, подготовленный МВД в ноябре 1906 г., объяснил этот мотив следующим образом. “Так как главнейшая сила поляков заключалась именно в корпоративной замкнутости владения их недвижимой собственностью, не допускавшей проникать никакой другой национальности, в особенности же русской, то для прекращения польского преобладания в крае и для отстранения польского элемента от влияния на крестьянскую массу, было признано необходимым, впредь до достаточного усиления в западном крае числа русских землевладельцев, воспретить лицам польского происхождения приобретать расположенные в сем крае помещичьи имения каким либо иным способом, кроме наследования по закону”. Цитата из: Центральный державний історичний архів України (ЦДА України). Ф. 442 (Канцелярия Киевского, Подольского, и Волынского генерал-губернатора). Оп. 656. Спр. 132. Ч. 1. Арк. 182.

“национально-освободительного движения”. На самом деле то, что происходило в юго-западных губерниях Российской империи, представляло не борьбу правящей и управляемой наций, а битву между двумя имперскими идеями и культурами, одной из которых посчастливилось быть победителем в данное время. Если бы Речь Посполитая нанесла поражение Российской империи, поляки поступили бы так же с восточными славянами, как великороссы поступили с поляками. Следовательно, идея реставрации Речи Посполитой (но не независимости Польши) и восстановления ее исторической (но не этнической) территории представлялась принципиальной позицией для поляков, живущих в Российской империи, если они хотели оставаться поляками.

После восстания 1863-1864 гг. была упразднена польская автономия, но российские государственные деятели и интеллигенция (например, Ю. Ф. Самарин) часто предлагали полякам отказаться от их притязаний на западные губернии империи в обмен на восстановление прежних отношений между Российской империей и Польшей.¹⁸ Но для поляков это было бы не что иное, как капитуляция, исключающая возможность реанимировать поляков как политическую нацию. Короче, существование западных губерний не позволяло Польше превратиться в Финляндию. Это было и причиной, по которой другие национальные движения в Российской империи недолго любили своих польских “соратников”, считая, что и поляки, и великороссы – одного поля ягоды.¹⁹

Так как подчиненной (эксплуатируемой) этнической группой в Правобережной Украине оказались “русские” (украинцы), царская национальная политика в регионе приобрела нетипичную для империи основу легитимации – освобождение “русских” от польского и еврейского засилья. Эта цель, вопреки распространенному мнению в

¹⁸ См.: С. А. Голубев. Русско-польские отношения в последней трети XIX – начале XX века: конспект лекций. Тверь, 1993.

¹⁹ Например, во Второй Государственной Думе польское коло не могло входить в состав Союза автономистов, т.к. другие националистические фракции воспрепятствовали этому, ведь коло отстаивало традиционный лозунг польских националистов “восстановления исторической территории” (Н. О. Щербак. Указ. соч. С. 113). В Японии противоречие и агонию польского коло глубоко исследовал Мичихиро Ясуи (См.: Теисеи росиа даиичи, даини коккаи но порандожин – хутацу но гииндан [Поляки в Первой и Второй Государственных Думах Имперской России – две парламентские фракции] // Хироси Бандо (ред.). Порандо-си ронсю [Сборник по истории Польши]. Токио, 1996. С. 275-311.

историографии, была определена официально не после восстания 1830-1831 гг., а после прибытия Дмитрия Гавриловича Бибикова на пост генерал-губернатора юго-западного края империи в 1837 г. Почему традиционная царская политика инкорпорирования местной польской элиты была столь инертна, что она продолжала проводиться в течение нескольких лет даже после первого польского восстания? Согласно Эдварду Тайдену, во-первых, вызовы Просвещения (Французская революция, восстание Тадеуша Костюшко и другие) пробудили стремление к солидарности у русских и польских помещиков. Во-вторых, ожидалось, что аннексия Речи Посполитой усилит традиционный характер Российской империи как “многонационального государства, управляемого космополитической, землевладельческой элитой”. В-третьих, так как в конце XVIII века Россия лишила Турцию контроля над Днепром, польские землевладельцы стали предпочитать при экспорте зерна в Западную Европу черноморский путь балтийскому. И последнее. Правительство ожидало, что польское дворянство, имевшее опыт государственных реформ в последние годы Речи Посполитой и при Варшавском герцогстве, будет играть реформаторскую роль в Российской империи, как это было с балтийскими немцами в предыдущем столетии.²⁰

С другой стороны, 40 лет “медового месяца” польского дворянства и российского правительства не привнесли в жизнь украинских крестьян ничего нового, кроме продолжения их печального бесправия. Согласно обследованию местных судебных актов, проведенному Бибиковым, только в Киевской губернии (не считая Подольскую и Волынскую) владельцы крепостных или управляющие их поместьями с периодичностью почти раз в месяц наносили повреждения крестьянам, влекущие затем смерть или выкидыши у женщин.²¹ К тому же большинство правонарушителей не наказывались, а имена пострадавших и вовсе не записывались. Известен случай с князем Мечиславом Потоцким, который создал почти гарем, собирая туда красивых крепостных женщин.²²

Если царская национальная политика инкорпорирования поляков была так инертна, тогда почему она, несмотря на некоторые колеба-

---

²⁰ Edward C. Thaden. *Russia's Western Borderlands, 1710-1810*. Princeton, 1984. Pp. 53-64.

²¹ Д. Бовуа. Назв. твір. С. 88-91.

²² Там же. С. 84. На угнетение украинских крепостных женщин давно обратил внимание М. Н. Лещенко.

ния, не была восстановлена после 1837 г. до конца самодержавия в России? Конечно, решающим в этом смысле было восстание 1863-1864 гг., но мы должны добавить и другие факторы. Во-первых, раз поднятое, знамя “освобождения русских братьев” трудно было спустить. Поэтому, например, инвентарная реформа, начатая Д. Г. Бибиковым в 1840-е гг., пошла по необычному в империи про-крестьянскому варианту упразднения крепостного права в Правобережной Украине.²³ Во-вторых, в середине XIX века под эгидой генерал-губернатора юго-западного края была проведена серия географических и этнографических обследований Правобережной Украины, организованных юго-западным отделением Имперского географического общества и т.н. “киевской школой” историков. Прежде, несмотря на официальные заявления, царское правительство и русская интеллигенция все-таки считали, что разделы Речи Посполитой дали России чужие земли и чужих людей. Указанные же обследования показали, что исконное население Правобережной Украины сохранило свой восточнославянский (“русский”) характер вопреки двум векам правления Речи Посполитой. Русское правительство внезапно обнаружило, что его традиционные призывы не лишены определенной научной основы.²⁴

²³ Оценка Д. Г. Бибикова в современной украинской историографии достаточно двусмысленна. Однако даже украинским историкам трудно отрицать, что яркий антиполонизм Бибикова, “хотя неожиданно”, улучшил социальное положение украинцев. См.: Валентина Шандра. Генерал-губернатор Д. Г. Бібіков: спроба політичного портрету // Третья академія пам'яті професора Володимира Антоновича, 11-12 грудня 1995. Доповіді та матеріали. Київ, 1996. С. 242-252. В Японии Такеси Мацумура, специалист по аграрной истории Украины, представляет другой подход. Несмотря на свою ярко проукраинскую тенденцию (в смысле защитника интересов украинских крестьян, а не националистов), Мацумура трезво отмечает, что т.н. “пруссский путь” был единственным возможным способом развития аграрного капитализма в Правобережье. Ограничив развитие польских латифундий, российское правительство закрыло этот единственно возможный путь развития сельского хозяйства, а следовательно, также и путь улучшения быта крестьян в Правобережье. См. его: Росиа теикоку уган укураина ниокеру сервитуту (тиеккен) мондаи [Проблема сервитута в Превобережной Украине Российской империи] // Росиа-си кенкю [Исследования истории России]. Токио, 1994. № 54. С.3-21; и его же: 19 сеики зенхан-но уган укураина ниокеру кокуюти номин но каикаку: хутан киннока но ногиоси-теки иги [Реформа государственных крестьян в Правобережной Украине в первой половине 19 века: значение монетаризации барщины в аграрной истории] // Сураву кенкю [Славянские исследования]. Саппоро, 1998. № 45. С. 139-161.

²⁴ См.: Ольга Тарасенко. Становлення та розвиток історичної освіти і науки у кійському університеті у 1834-1884 рр. Київ, 1995. С. 125-126.

К концу XIX века царизм ясно осознал, что откровенно про-украинская (про-крестьянская) политика в Правобережной Украине нанесла вред не только польским землевладельцам, но и препятствовала миграции в этот регион русских землевладельцев из внутренних губерний, что заставило правительство смягчить свою позицию по отношению к полякам. Эта новая умиротворяющая позиция (с другой стороны, огорчительная для украинских крестьян) сочеталась со стремлением ввести в край общую с внутренними губерниями систему управления – ввести, с одной стороны, земства и институт земских участковых начальников, а с другой – отменить сервитут.²⁵ Однако подобное изменение курса было необычайно трудно реализовать, ибо оно могло подорвать корень легитимности владения Российской империей ее западными губерниями. Более того, опыт революции 1905 г. показал, что поляки еще не отказались от притязаний на свою “историческую территорию”. Это, разумеется, снова ужесточило царскую политику в отношении поляков. После этой же революции наступила эпоха думских (и потом земских) выборов, и, учитывая новые реалии, правительство и местные великорусские движения усилили свою популистскую тактику привлечения украинских избирателей. И не удивительно, что козырной картой в этой политике стало возмущение украинцев засильем польских латифундий. Таким образом, политика инкорпорирования местного польского дворянства до конца царизма осуществлена так и не была.

Как это было показано выше, между польской и малорусской политикой царизма существовали взаимоисключающие отношения. Поэтому российское правление в крае может быть разделено на периоды про-польские / антиукраинские (до 1837 г.; в 1848 г., когда правительство перед лицом европейских революций временно оперлось на существующую местную польскую элиту; и с конца XIX века до 1905 г.) и антипольские / про-украинские (1837-1848 гг.; после 1848 г. до кон-

²⁵ Новое мышление, как основа этой перемены курса, изложено, например, в документе, подготовленном Земским отделом МВД в апреле 1901 г. и предлагающим введение института земских участковых начальников в юго-западном крае (ЦДА України. Ф. 442. Оп. 617. Спр. 244. Арк.4). Земские начальники (за редким исключением) в крае введены не были ввиду малочисленности “русских” дворян. В случае введения таких должностей, представлялось неизбежным подбирать их кандидатуры из числа дворян польского происхождения. Хотя земские начальники не обладали значительными полномочиями и свободой принятия решений, тем не менее посчитали недопустимым позволить польским дворянам оказывать влияние на “русских” крестьян от имени царя.

ца XIX века; и после 1905 г.). Иными словами, один из трех элементов царской национальной политики (см. выше), тактика “разделяй и властвуй”, не могла проводиться здесь оперативно. С другой стороны, трудности управления краем традиционными имперскими методами привели к применению здесь более современной этнополитической тактики, выразившейся, например, в популистском использовании земельных разногласий и развитии организованных партий, которые не могли возникнуть в других частях империи.

Данные переписи 1897 г. показывают в целом аристократичность, урбанизированность и высокую образованность русскоговорящего населения губерний Правобережья, в то время как те же данные характеризуют украиноговорящих как крестьянскую, сельскую и малообразованную этническую группу. Это не удивительно, потому что, как сказано выше, после более чем столетия со времени присоединения Правобережной Украины только горстка русскоговорящих “окупантов”, таких как крупные чиновники, офицеры, священнослужители и профессора, иммигрировали (и то лишь временно) с другого берега Днепра. В противоположность их русским и левобережным сверстникам, правобережная сельская молодежь имела невысокие шансы в смысле социальной мобильности, так как правительство не позволяло западным губерниям иметь земства (следовательно, и земские школы) из боязни усиления влияния местного польского дворянства. Более того, в городах преобладали культура и язык, которые сельская молодежь не понимала. Понятно, что молодежь Правобережной Украины предпочитала оставаться в своих селах, где “прусский путь” аграрного капитализма обеспечивал их относительно богатыми возможностями трудоустройства.

Согласно той же переписи, Киевская губерния была самой русифицированной (и в великорусском, и в восточнославянском понимании). В Подольской и Волынской губерниях русскоговорящие, что уже отмечалось, составляли крайне незначительную группу населения. Что касается Волынской губернии, то здесь даже восточные славяне в целом составляли только 73.7% от населения губернии, в то время как этот процент достигал 84.2 в Подольской губернии. Правительство было обеспокоено этническим составом приграничной Волынской губернии, особенно после ухудшения австрийско-русских отношений в 1890-х гг.

Евреи в Правобережной Украине представляли собой мелкобуржуазную, городскую и высокообразованную этническую группу. Например, в Волынской губернии 97.7% евреев принадлежали к мещанско-

му сословию; 50.8% городского населения волыньщины и 46.4% её губернского центра, Житомира, были евреями; 44.7% иудеев и 21.7% иудеек были грамотными. Состав польскоговорящих, как городских, так и сельских, был аристократичным и высокообразованным. Сельские поляки состояли из землевладельцев, управляющих имениями, служащих различных польских учреждений и деклассированной шляхты, которая превратилась к концу XIX века в различные непривилегированные социальные группы. Городские поляки преобладали в таких интеллектуальных занятиях, как юриспруденция, прикладные науки, городское муниципальное управление. Если мы сравним великорусское и польское дворянство, то доля личных дворян была намного меньше среди последних (в Волынской губернии 6.7% русскоговорящих и только 1.8% польскоговорящих могли быть отнесены к этой категории), вероятно, потому, что путь поляков в государственное чиновничество был исключен.

В то время как количество восточных славян, немецко- и чешскоговорящих, евреев было приблизительно таким же, как, соответственно, православных, протестантов и иудеев во всех трех губерниях правобережья, католическое население было существенно больше польскоговорящего (в 1.6 раза – в Волынской и Киевской, в 3.8 раза – Подольской).²⁶ Это предоставляло возможность проведения правительственной тактики “разделяй и властвуй” между польской и непольской частями католиков.

Сравнивая грамотность русскоговорящих православных, украиноговорящих православных и польскоговорящих католиков в 6 губерниях Правобережной и Левобережной Украины, мы можем составить следующую таблицу:

ГУБЕРНИИ	РУССКОГОВОРЯЩИЕ Православные				УКРАИНОГОВОРЯЩИЕ православные				ПОЛЬСКОГОВОРЯЩИЕ Католики			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Общее населен.	Грамотн %%	Общее населен.	Грамотн %%	Общее населен.	Грамотн %%	Общее населен.	Грамотн %%	Общее населен.	Грамотн %%	Общее населен.	Грамотн %%
Волынская	59	56.2	36	38.7	995	16.6	992	2.0	89	29.9	91	25.8
Подольская	47	58.6	31	41.6	1117	18.6	1333	2.8	33	47.7	35	42.6
Киевская	102	61.5	89	45.2	1376	20.9	1406	2.8	33	55.0	34	49.3

²⁶ По девяти западным губерниям католики составляли 35.4% всего населения, в то время как поляки (польскоговорящие) – только 5.8% (ЦДІА України. Ф. 442. Оп. 656. Спр. 132. Ч. 1. Арк. 183).

Харьковская	222	36.9	211	19.2	1003	22.7	1004	4.4	4	71.9	2	78.4
Полтавская	37	48.2	33	34.2	1276	25.4	1306	3.9	3	38.5	2	43.0
Черниговская	217	28.4	234	8.5	747	28.7	778	4.7	2	75.8	1	67.2

Таблица 1. Грамотность трех этнических групп в шести губерний Украины.

Что касается русско- и польскоговорящих, то таблица показывает: чем больше людей использовали эти языки, тем меньше среди них процент грамотности. Значит, польскоговорящие в Правобережной Украине были менее грамотные, нежели в Левобережной; русскоговорящие же – с точностью до наоборот. Вероятно, потому, что значительное распространение языка означало, что этим языком пользуются и незлитные слои общества. Украиноговорящие в Левобережье были более грамотными, чем в Правобережье, очевидно, потому, что первые получали земское народное образование, несмотря на все его недостатки. Примечательно, что в Черниговской губернии, одной из самых передовых в империи земских губерний, грамотность среди украиноговорящих православных мужчин (которые, подобно всем украинцам страны, были лишены права получить образование на их родном языке) была, хотя и немного, но все же выше, чем грамотность среди русскоговорящих православных мужчин. Это положение подвергает сомнению утверждение украинских националистов, объясняющих низкую грамотность украинцев того времени ограничительной политикой царизма в области языка.

За неимением надежной системы народного образования и возможности идти в ногу с веяниями времени, урбанизацией и индустриализацией, не могла развиваться украинская национальная интеллигенция. Согласно Оресту Субтельному, в 1897 г. собственно украинцы составляли только 16% юристов, 25% учителей и менее чем 10% писателей и художников Украины.²⁷ Девятнадцатый век был, пожалуй, наиболее унижительным в истории украинцев. Поэтому не удивительно, что по крайней мере до 1905 г. не только царизм и местная польская элита, но также и сами украинофилы излагали свое видение национальной политики, исходя из предположения, что самоидентификация украинцев как единого народа еще впереди.²⁸

²⁷ Orest Subtelny. *Ukraine: A History*. 2nd edition. Toronto-Buffalo-London, 1994. P. 272.

²⁸ Например, в 1873 г., непосредственно после открытия в Киеве юго-западного филиала Императорского географического общества, Михайло Драгоманов в споре с одним из радикальных украинских националистов из Львова писал, что «Украина, как национальность, еще не выступила в России и сама себя еще не знает».

В 1865 г. доля “русских” землевладельцев среди всех частных земельных собственников девяти западных губерний Украины составляла 1 к 70. Постоянные ограничения польского землевладения и поощрение приобретения земли “русскими” после 1863-1864 гг. изменили это соотношение, как показано в следующей таблице, составленной по правительственным материалам 1903 г.²⁹

Губернии	“Русские”	“Польские”
Волынская	45.4	47.9
Подольская	49.8	48.3
Киевская	59.3	Неизвестно

Таблица 2. Этнический состав частных земель в Правобережной Украине (в % к площади).

Очевидное, казалось бы, равенство между “русскими” и польскими землевладельцами, показанное в таблице, было в реалии лишь фикцией. Привилегии для “русских” покупателей земли нередко стимулировали спекуляцию землей великороссами. Более того, те великороссы, которые покупали земли с более или менее серьезными намерениями, были также временными жителями, обитавшими здесь всецело из-за своей службы и тоскующими по их имениям во внутренних губерниях. Совсем не удивительно, что имения, приобретенные ими в юго-западных губерниях, часто сдавались в аренду, при этом большая часть (согласно правительственным данным, примерно три четверти) – полякам,³⁰ даже несмотря на законодательные препоны.

Было замечено, что крупные “русские” имения (например, Бобринских, Шуваловых, Терещенко) не котируются ниже польских, но экономическое положение “русских” хозяйств средних размеров было много хуже.³¹ Технические новации в польских хозяйствах проводи-

---

Ей нужна научная и литературная работа, чтобы себя знать, а криками, тем более криками из заграницы, только повредите этой работе, которой само теперь правительство помогает, организуя такие вещи, как географическое Товарищество... Я очень прошу Вас передать мои слова в Львов, пусть там для себя поставят вопрос так: когда они чувствуют в себе силу Мадзини, а в Киеве видят молодую Италию, только тогда пусть они идут против России, и пусть уже прямо кричат революцию” (переведено автором из украинского текста книги: Федір Савченко. Заборона українства 1876 р. До історії громадських рухів на Україні 1860-1870-х рр. Київ-Харків, 1930. С. 18.

²⁹ ЦДІА України. Ф. 442. Оп. 656. Спр. 132. Ч. 1. Арк. 183.

³⁰ Там же. Оп. 637. Спр. 545. Арк. 50-51.

³¹ Там же. Арк. 38-39 и 50-50 об.

лись коллективно, методом широкой взаимопомощи, в то время как “русские” аграрии трудились изолированно. Когда в конце XIX века в Правобережной Украине стали организовываться местные сельскохозяйственные общества, они были сугубо экономическими, аполитичными организациями. Однако после революции 1905 г. большинство из них попало под контроль польских националистов.³² Польский язык часто становился общим языком сельскохозяйственных выставок. Да и последние часто имели целью показать превосходство “польского хозяйствования”.³³ Вот почему “русские” землевладельцы, уступая полякам в гражданской активности, желали иметь земства как средство влияния на украинских крестьян.³⁴

Так как выборы в первую и вторую Государственные думы отражали численный состав землевладельцев, указанный выше, поляки юго-западных губерний послали определенное число своих представителей в Санкт-Петербург. Столыпинский *coup d'état* 3 июня 1907 г. имел результатом введение национальных курий. Другими словами, был установлен потолок количества польских выборщиков. Впрочем, что касается выборов в Государственный Совет, такие махинации были невозможны. Ведь по иронии, из-за антипольской политики царизма в регионе не существовали земства, губернские и уездные дворянские собрания оставались единственными институтами для избрания членов верхней палаты парламента. Таким образом, представительство в Госсовете было монополизировано поляками до 1911 г., вплоть до введения в регионе земств.

Отношение к выборам у “русских” и поляков серьезно разнилось. В то время как для “русского” электората был характерен абсентеизм, особенно при выборах в Государственный Совет,³⁵ польские избиратели последовательно участвовали в выборах даже в Государственную Думу, имея изначально ограниченные шансы.³⁶ Доклад,

³² Там же. Арк. 38 и 53-54.

³³ Там же. Арк. 54.

³⁴ Там же.

³⁵ При выборах членов Государственного Совета 1906 г. в Подольской губернии из 243 “русских”, имевших право участвовать в выборах, пришли голосовать только 14 человек (6%), тогда как активность поляков составила 44% (166 из 379). Аналогичные выборы 1909 г.: 43 из 275 “русских” (16%), 192 из 370 поляков (52%) пришли на голосование (См.: ЦДА України. Ф. 442. Оп. 637. Спр. 545. Арк. 22-23).

³⁶ В документе из канцелярии генерал-губернаторства находим интереснейший факт: “Ради своего дела один из польских графов, постоянно проживая в Париже, прибыл на избирательный съезд в г. Радомысль Киевской губернии и, положив

представленный в 1909 г. начальником Волынского губернского жандармского управления губернатору, обрисовал отношения между православной и католической церквями. Согласно этому докладу, многие предки местных православных священников при польском правлении вынуждены были перейти в католическое или греко-католическое духовенство и находились под умственным и моральным воздействием “польских панов”. Поэтому православные священники в то время (1909 г.) носили польские фамилии и хорошо владели польской речью, держа в домашних библиотеках старые польские книги. В них наблюдалось “какое-то невольное уважение и преклонение перед всем польским”. А в православных духовно-учебных заведениях воспитание было лишено всякой “иезуитской подкладки” и отношения православных священников “более чем миролюбивы, даже к проискам ксендзов, вербующих православных в лоно католической церкви”. Зная о нищенской жизни православных священников, студенты духовных семинарий делали все, чтобы устроиться на государственную службу или в армию, поступить в университет, и только потерпевшие в этих попытках неудачу становились священниками.³⁷

К 1909 г., когда писался этот доклад, православные священники были сильно политизированы, оказавшись идеологическим острием “великороссизма” в Правобережной Украине, так что картина, нарисованная начальником жандармов, представляется устаревшей для этого времени. Однако, если данный доклад отражает отношения между православной и католической церквями в XIX веке, то мы можем понять причину, по которой католическая церковь могла оставаться влиятельной на всем протяжении века.

Резюмируя анализ, заметим, что латино-католическо-польские традиции превосходили греко-православно-русские в Правобережной Украине даже к началу XX века. Конечно, поляки уже не были теми, кем они были перед восстанием 1863-1864 гг., но они не были и разрушены до такой степени, чтобы великороссы могли конкурировать с ними без искусственной поддержки правительством своей позиции и дискриминирующих поляков законов. Вот почему в регионе (1) сохранялось генерал-губернаторство; (2) была организована самая плот-

---

свой избирательный шар, выехал обратно в Париж” (ЦДІА України. Ф. 442. Оп. 637. Спр. 545. Арк. 60 об.).

³⁷ ЦДІА України. Ф. 442. Оп. 637. Спр. 545. Арк. 18, 20.

ная в империи сеть охраны;³⁸ (3) земства не были введены до 1911 г., когда были созданы земские учреждения, базировавшиеся при этом на антипольской, дискриминирующей выборочной системе; (4) начальное образование было монополизировано правительством и православными церковно-приходскими школами; (5) предводители губернских и уездных дворянств не избирались, а назначались правительством; и последнее (6), не были введены земские начальники (за незначительным исключением), и мировые посредники, введенные во время Великих реформ, продолжали работать до конца царизма. Как побочный эффект антипольской политики царизма, “русская” элита в этом крае была также лишена существенной части гражданских прав, которыми пользовалась элита на другой стороне Днепра. Если ссылаться на излюбленное выражение украинской националистической историографии, система государственных институтов в Правобережной Украине после восстания 1863-1864 гг. была “оккупационным режимом”. Единственная оговорка, которую мы обязаны сделать относительно этого выражения, заключается в том, что это было оккупационным режимом по отношению не к украинцам, а к полякам и евреям.

Схема 3.

³⁸ См.: А. Н. Ярмыш. Карательный аппарат самодержавия на Украине (1895-1917) / Автореф. дисс... доктора юридических наук. Харьков: Украинская юридическая академия, 1991. С. 19.

Из всего разнообразия межэтнических отношений Правобережной Украины только одни, показанные непрерывной линией 1 на схеме 3, изучены более-менее интенсивно. Отношения, показанные непрерывными линиями 2 и 3, привлекали меньше внимания, но историки знали, по крайней мере, о необходимости изучения этих отношений. В противоположность, исследования отношений между управляемыми нациями, показанных пунктирными линиями, остались буквально в зачаточном состоянии. Без этого, однако, национальная политика царизма в западных губерниях империи не может быть понята. Ведь царизм, не имея достаточных управленческих и социополитических ресурсов в регионе, мог управлять западными губерниями только путем вмешательства в существующие напряженные отношения между основными этническими группами региона, а также манипулируя этими отношениями. Было бы ошибкой думать, что мы готовы составить некую общую модель, объясняющую царскую национальную политику, собрав в кучу отношения, показанные непрерывными линиями. Мешанина всегда останется мешаниной, так и не став этнополитическим анализом. Парадигма “тюрьма народов” была порождена не царскими реалиями, а некомпетентностью и ангажированностью историков.

Чем больше юго-западные губернии оказывались “русифицированы” (де-полонизированы и де-семитизированы), тем более сепаратистскими становились украинские националисты. Между старой и новой громадами (старым и новым поколениями украинских националистов), т.е., от поколения М. П. Драгоманова и В. Б. Антоновича, признающих свою “двойственную идентичность” (малорус и одновременно “русский”), и поколением М. С. Грушевского практически ничего не изменилось с точки зрения национального сознания украинских масс и стратификации украинской национальной элиты. Единственной видимой переменной представляется то, что поляки стали слабее. Как хорошо известно, крупнейшим центром украинофильства был Киев, а затем следовали Подольская и, позади всех, Волынская губерния. Итак, географически также, – чем больше русифицировалась губерния, тем более крепло в ней украинофильство.

Антропологи считают, что национальная идентичность формируется только тогда, когда данная группа населения начинает кому-то противопоставить себя.³⁹ Для того, чтобы стать украинским нацио-

---

³⁹ См.: Shiro Sasaki. Segmentary Hierarchy of Identity: The Case of Yakuts and Evens in Northern Yakutia // К. Inoue and T. Uyama (Eds.). Quest for Models of Coexistence:

налистом, необходимо противопоставить себя не только полякам и евреям, но также и великороссам. Если последнее условие отсутствует, то данный украинец становится, как правило, носителем “двойственной идентичности”. Так как великороссы, живущие на западной стороне Днепра, были крайне малочисленными, в глазах украинских крестьян они были не более чем абстрактным “начальством” или эпизодическим явлением, получившим прозвище “кацапы”. Такой имидж великороссов среди украинских масс несравним с живой ненавистью к полякам и евреям, вызванной у украинцев ежедневными контактами с ними. Плотные контакты между правобережными украинцами и великороссами установились только в 1930-е гг. Контакты эти ассоциируются у украинцев с голодом 1933 г., широкомасштабными репрессиями, Чернобыльской аварией и другими трагедиями. Принимая это во внимание, кажется вполне естественным, что после полной де-полонизации и де-семитизации Украины с помощью советской власти, украинцы решили обрести независимость и от великороссов.

SUMMARY

The Right Bank Ukraine has been a battlefield of different nationalizing forces in the course of the nineteenth century. Arguing against nationalist historiography that depicts the Tsarist policy in the Right bank Ukraine as occupation, the Japanese scholar Kimitaka Matsuzato demonstrates that if it was so, the thrust of the oppression was aimed at the Poles and the Jews rather than Ukrainians, whom the officialdom considered to be Russian. The famous “Polish factor” helped to develop among “Russians” in the Western Borderlands a sense of *Russianness* more acute than anywhere else in the Empire. This article tangles with the problem of what was this factor in terms of culture, language, economics and politics. Based upon diverse empirical material and enriched with nuanced methodological approaches including a theoretical scheme of ethnic domination in the Empire, this article is a valuable contribution into the ongoing debate on the history of nationalities in the Western Borderlands of the Russian Empire.

К. Мацузато, *Польский фактор в Правобережной Украине...*

Additionally, the article incorporates some of the research done by Japanese historians, which is not always readily available both for Russian/CIS and American/European academic audience.